

Как из той Индеюшки богатой,
Да из той Галичии с проклятой,
Из того со славна й Волын-города
Да й справляется, да й снаряжается
А на тую ль матушку святую Русь
Молодой боярин Дюк Степанович -
Посмотреть на славный стольный Киев-град,
А на ласкового на князя на Владимира,
А на сильных могучиих богатырей
Да й на славных поляниц-то й разудалых,
Говорит тут Дюку й родная матушка:
«Ай же свет мое ты чадо милое,
Молодой боярин Дюк Степанович –
Хоть справляешься ты, снаряжаешься
А на тую ль матушку святую Русь, -
Не бывать тебе да й на святой Руси,
Не видать тебе да й града Киева,
Не видать тебе князя Владимира,
Сильных могучиих богатырей,
Да и славных поляниц-то й разудалых».
Молодой боярин Дюк Степанович
Родной матушки своей не слушался,
Одевал свою одежду й драгоценную,
А манишечки, рубашечки шелковые,

А сапоженьки на ноженьки сафьянные –
Окол носу-носу яйцо кати,
Окол пяту-пяту воробей лети;
Одел шапку на головку й соболиную,
На себя надел кунью й шубоньку,
Да й берет свой тугой лук разрывчатый,
А набрал он много й стрелочек каленых,
Да й берет свою он саблю вострую,
Свое й острое копье да й муржамецкое.
Выходил молодец тут на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую;
Да й берет тут молодец добра коня,
Он берет коня за поводы шелковые,
Выводил коня да й на широкий двор,
Становил коня да й посреди двора,
Стал добра коня молодец заседлывать;
Он заседлывал коня да й закольчуживал.
Говорит тут Дюку родная й матушка:
«Ай же свет мое ты чадо милое,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Как поедешь ты в раздольице чистом поле,
А на тую ль матушку святую Русь,
Да й во славном раздольице чистом поле
Есть три заставы там три великие:

Первая застава – ведь змеи поклевучие,
Друга застава – львы-звери поедучие,
Третья застава – есть горушки толкучие;
Они сходятся вместо й расходятся.
Ты подъедешь к этим заставам великиим,
Ты бери-ка в руки плеточку шелковую,
А ты бей коня да й по крутой бедры,
Ты давай удары всё тяжелые;
Первый раз ты бей коня между ушей,
Другой раз ты между ноги, между задние,
Чтобы добрый конь твой богатырский
По чисту полю-раздольицу поскакивал.
Ты проедешь эти заставы великие,
А ты выедешь на матушку святую Русь,
А ты будешь во городе во Киеве
Да й у ласкового князя й у Владимира,
Так охоч ты упиваться в зелено вино,
Так не хвастай-ка ты своим художеством
Ты супротив князя-то й Владимира,
Супротив сильных могучиих богатырей,
Супротив поляниц-то и разудалых».
Молодой боярин Дюк Степанович
Да й садился молодец тут на добра коня;
Столько видели сядучись,

Со двора его й не видели поедучись;
Со двора он ехал не воротами,
А он с города ехал не дорогою –
Его добрый конь да й богатырский
Проскакал он через стены городовые,
Через башни проскакал он трехугольные.
А не молния в чистом поле промолвила –
Так проехал боярин Дюк Степанович.
Выезжал он в раздольице чисто поле,
Подъезжал он к этим заставам великим,
А ко тым змеям поклевучим,
А ко львам-зверям да поедучим,
А ведь к этим горушкам толкучим;
Он берет тут в руки плеточку й шелковую,
А он бил коня да й по тучной бедры,
Он давал удары всё тяжелые;
Первый раз он бил коня между ушей,
Другой раз он между ноги между задние;
Его добрый конь тут богатырский
По чисту полю-раздолью стал поскакивать.
Он проехал эти заставы великие,
Он тут выехал в раздольице в чисто поле,
А на тую ль матушку святую Русь;
Приезжал во славный стольный Киев-град,

Заезжал ко князю й на широкий двор,
Становил коня да й богатырского,
Выходил на матушку й сыру землю.
А Владимира дома не случилось –
Он ушел во матушку й Божью церковь,
А он Господу Богу помолитися,
Ко чудным крестам да й приложитися.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он пошел во матушку й Божью церковь.
Приходил во матушку й Божью церковь,
Он снимает кивер со головушки,
А он крест кладет да й по-писаному,
А поклоны ведет да й по-ученому,
На две, три, четыре сторонки поклоняется,
А он князю Владимиру й в особинно,
Его всем князьям да й подколенным.
По праву руку князь Владимира
А стоял Добрынюшка Микитинец,
По леву руку князя Владимира
А стоял Чурилушка-то Плёнкович.
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
«Ты откулешный, дородный добрый молодец,
Из коёй земли да из коёй орды,
Ты какого же есть роду-племени,

Ты какого отца да ты есть матери,
Как же тебя да именем зовут,
Удалого величают по отчеству?»
Говорил боярин Дюк Степанович:
«Ты Владимир-князь да и стольнекиевский!
А ведь есть я с Индеюшки богатой,
А и с той Галичии с проклятой,
И с того ль со славна Волын-города,
Молодой боярин Дюк Степанович».
Говорил Чурилушка тут Плёнкович:
«Ты Владимир-князь да й стольнекиевский!
Поговорушки тут есть не Дюковы,
Поворотушки тут есть не Дюковы,
Тут должна быть холопина й дворянская».
Это й дело Дюку не слюбилось,
Не слюбилось да й не в любви пришло.
Они Господу тут Богу помолилися,
Ко чудным крестам да й приложилися,
Да й пошли в палаты белокаменны,
А ко ласковому князю й ко Владимиру.
Они шли мосточиком кирпичным;
Молодой боярин Дюк Степанович
Стал Владимиру й загадочек отгадывать,
Говорил тут он да й таковы слова:

«Ты Владимир-князь да стольнекиевский!
Что же в Киеве у вас все не по-нашему:
У вас построены й мосточки кирпичные,
А ведь столбики поставлены еловые,
А порученьки положены сосновые;
У вас медное гвоздьё да й приущиплется,
А ведь цветное платье призабрызжется.
Как в моей Индеюшке богатой
У моей родителя у матушки
А построены мосточки калиновы,
А ведь столбики поставлены серебряны,
А ведь грядочки положены орленые,
А ведь настланы сукна гармузинные;
А ведь медное гвоздьё да й не ущиплется,
А ведь цветно платье не забрызжется».
Тут Владимир к этой речи да й не примется.
Приходили в палату белокаменну,
Проходили во горенку столовую,
Да й садились за столички дубовые,
Да й за тыя ль скамеечки окольные.
Принесли ему калачиков тут пшениных;
Молодой боярин Дюк Степанович
Он берет калачик во белы руки;
А он корочку ту всё на круг кусал,

А середочку да й кобелям бросал,
Все й Владимиру загадочки отгадывал,
Говорил боярин таковы слова:
«Ты Владимир-князь стольнекиевский!
Что ж в Киеве у вас всё й не по-нашему:
У вас сделаны бочечки сосновые,
А обручики набиваны еловые,
А мешалочки положены сосновые,
У вас налита студена ключева вода,
Да и тут у вас и калачи месят;
А у вас печеньки построены кирпичные,
У вас дровца топятся еловые,
А помялушки повязаны сосновые,
Да и тут у вас да й калачи пекут,
А калачики да й ваши призадохнулись.
Как в моей Индеюшке богатой
У моей родителя у матушки
А построены ведь бочечки серебряны,
А обручики набиты золоченые,
А мешалочки положены дубовые,
Да ведь налита студена ключева вода,
А ведь тут у нас и калачи месят;
Да й построены печки муравленные,
У нас дровца топятся дубовые,

А помялушки повязаны шелковые,
Да ведь настлана бумага – листы гербовые,
Да ведь тут у нас и калачи пекут,
А калачики у нас и не задохнутся,
А калачик съешь – по другом душа горит».

Он Владимиру загадочки отгадывал,
Подносили ему тут зелена вина.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он берет-то й чарочку во белы руки,
Он всю чарочку й по горенке повыплескал,
Сам Владимиру загадочки отгадывал,
Говорит боярин таковы слова:

«Ты Владимир-князь да стольнекиевский!

Что же в Киеве у вас всё не по-нашему:
У вас построены бочечки дубовые,
А обручики набиваны железные,
А положено туда да й зелено вино,
А положено й на погребы глубокие,
Ваша й водочка-винцо ведь призадохнулось.

Как в моей Индеюшке богатой
У моей родителя у матушки
А построены бочечки серебряны,
А обручики набиты золоченые,
Да й положено туда да й зелено вино,

А повешено на цепи-то й на медные,
А на тыя на погребы глубокие;
Наша водочка-винцо да й не задохнется,
А ведь чарку выпьешь – по другой душа горит».

Он Владимиру загадки отгадывал.
Говорил тут Чурилушка-то Плёнкович;
«Ай же ты, холопина дворянская!
Что расхвастал ты имением-богачеством?
А ударим-ка со мной ты во велик заклад,
Во велик заклад да ты не в малыи,
Чтоб проездить нам на конях богатырских, -
Немало поры-времени – по три году,
А сменять нам одежицу драгоценную
Каждый день да й с нова наново,
С нова наново да чтоб не лучшую».

Говорит тут боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, Чурилушка-то Плёнкович!
Тебе просто со мной биться во велик заклад, -
Ты живешь во городе во Киеве,
У того ль у князя у Владимира
Кладовые те есть да цветна платица».

Молодой тут боярин Дюк Степанович
А сядился он да на ременчат стул,
А писал он письма й скорописчаты

А своей ли да й родной матушке,
А писал он в письмах скорописчатых:
«Ай же свет моя ты родна й матушка!
А ты выручи меня с беды великой,
А пошли-ка ты одежду драгоценной,
Что хватило бы одежду мне на три году
Одевать одежду драгоценную
Каждый день да й с нова наново».
Запечатал письма й скорописчаты,
Скоро шел по горенке столовой,
Выходил тут молодец да на широкий двор,
Положил он письма под седельшко,
Говорил коню он таковы слова:
«Ты беги, мой конь, в Индеюшку богатую,
А к моей родителю ко матушке,
Привези ты мне одежду драгоценную».
Он берет коня за поводы шелковые,
Выводил коня он за широкий двор,
Да й спускал коня во чисто поле.
Его добрый конь да й богатырский
Побежал в Индеюшку й богатую;
Пробежал он по раздольицу чисту полю,
Через эти все заставы великие,
Прибежал в Индеюшку богатую,

Забегал он на славный на широкий двор.
Увидали тут коня да й слуги верные,
Они бежат в палаты белокаменны,
Да й во тую ль горницу столовую,
Да й ко той ко Дюковой ко матушке,
Говорят они да й таковы слова:
«Ай же свет честна вдова Настасья да Васильевна!
Прибежал ведь Дюков конь да из чиста поля,
Из чиста поля на наш широкий двор».
Так тут свет честна вдова заплакала
Женским голосом да й во всю й голову:
«Ай же свет мое ты чадо милое,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Ты сложил там, наверно, буйну головушку,
А на той ли матушке святой Руси».
Поскореньку выходила на широкий двор,
Приказала добра коня расседлывать.
Они стали добра коня расседлывать,
Они сняли седлышко й черкальское,
Оттуль выпали письма скорописчаты.
Свет честна вдова Настасья да й Васильевна
А брала она письма й во белы руки,
А брала она письма й распечатала,
Прочитала письма скорописчаты;

Да й брала она тут золоты ключи,
Она шла на погребы глубокие
А брала одежду й драгоценную,
Не на мало поры-времени – на три году;
Приносила она к тому добру коню,
Положила й на седельшко черкальское,
Выводила коня да й за широкий двор,
Да й спускала в раздольице чисто поле.
Побежал тут добрый конь да й по чисту полю,
Пробегал он к этим заставам великиим,
Пробежал он заставы великие
На славну на матушку да на святую Русь;
Прибежал во славный стольне Киев-град,
Забежал ко князю на широкий двор.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он стретал тут своего добра коня,
Он берет свою одежду драгоценную;
Он тут бился со Чурилушкой в велик заклад,
А в велик заклад ещё й не в малыи,
Не на мало поры-времени – на три году,
А проездить на конях богатырских,
А сменять одежду с нова наново.
Молодой боярин Дюк Степанович
Они с тем Чурилой Плёнковым

Они ездят по городу по Киеву
Каждый день с утра до вечера,
А проездили молодцы по год поры,
А проездили молодцы й по два году,
Да й проездили молодцы й по три году.
Теперь надоть им идти да й во Божью церкву,
Одевать одежду драгоценную
А ко той христовской заутреной.
Молодой Чурилушка тут Плёнкович
Одевал свою одежду драгоценную,
А сапоженьки на ноженьки сафьянные,
На себя одел он кунью й шубоньку;
Перва строчка рочена красным золотом,
Друга строчка рочена чистым серебром,
Третья строчка рочена скатным жемчугом;
А ведь в тыя петелки шелковые
Было вплетено по красной по девушке,
А во тьи пуговики серебряны
Было влито по доброму по молодцу;
Как застёгнутся – они обоймутся,
А расстегнутся – дак поцелуются;
На головку шапка й соболияя.
Молодой боярин Дюк Степанович
Одевал свою одежду й драгоценную,

А сапоженьки на ноженьки сафьянные,
На себя одел он кунью й шубоньку;
Перва строчка й строчена красна золота,
Друга строчка й строчена чиста серебра,
Третья строчка й строчена скатна жемчугу;
А во тии ль петелки шелковые
Было вплетено по красной по девушке,
А во тии пуговики серебряны
Было влито по доброму по молодцу;
Как застегнутся – они обоймутся,
А расстегнутся – дак поцелуются;
На головку одел шапочка семи шелков,
Во лбу введен был светел месяц,
По косицам были звезды частые,
На головушке шелом как будто жар горит.
Тут удалые дородны добры молодцы
А пошли молодцы да й во Божью церковь
А ко той христовской ко заутреной.
Приходили молодцы да й во Божью церковь,
По праву руку князя Владимира
Становился Чурилушка тут Плёнкович,
По леву руку князя Владимира
Становился боярин Дюк Степанович.
Тут Владимир-князь да стольнекиевский

Посмотрел на правую сторонушку,
Увидал Чурилушку он Плёнкова,
Говорил он таковы слова:
«Молодой боярин Дюк Степанович
Прозакладал буйную головушку».
Говорил Спермеч тут сын Иванович:
«Ты Владимир-князь да стольнекиевский!
Посмотри-ка на леву ты сторонушку:
Молодой Чурилушка ведь Плёнкович
Прозакладал свою буйную й головушку».
Молодой Чурилушка тут Плёнкович
Стал он плеточкой по пуговкам поваживать –
Так тут стали пугови посвистывать.
Молодой боярин Дюк Степанович
Стал тут плеточкой по пуговкам поваживать –
Засвистали пугови по-соловьиному,
Заревели пугови да й по-звериному.
Чернедь-народ тут все й попадали.
Говорит тут князь Владимир стольнекиевский:
«Ай же ты, боярин Дюк Степанович!
Перестань ты водить плеткой по белой груди,
Полно валить-то тебе чернеди».
Тут удалые дородны добры молодцы
Они Господу й Богу помолилися,

Ко чудным крестам да й приложилися,
Да й пошли в палаты белокаменны,
А ко ласковому князю й ко Владимиру.

Приходили в палату белокаменну,
Да й во тую ль горницу столовую,
Да й садились всё за столики дубовые,
Да за тьи за скамеечки окольные.

Они ели ествушка сахарные,
Они пили питьица й медвяные.

Говорил Чурилушка тут Плёнкович:

«Ай же ты, холопина дворянская!

А ударим-ка со мной-то в велик заклад,
В велик заклад еще й не в малыи:

Нам разъехаться на конях богатырских,
А скочить через славную Пучай-реку».

Говорит боярин Дюк Степанович:

«Ай же ты, Чурилушка ты Плёнкович!

Тебе просто со мной биться во велик заклад,

А велик заклад да и не в малыи, -

Твой-то добрый конь ведь богатырский

А стоит во городе во Киеве,

Он ведь зоблет пшеницу белоярову;

А моя-то кляченка заезжена,

А й заезжена да и дорожная».

Молодой боярин Дюк Степанович
Он скоренько ставал тут на резвы ноги
Да й прошел по горенке столовоей
Через ту й палату белокаменну;
Выходил молодец да на широкий двор,
Заходил он к своему добру коню,
Он тут пал на бедра й лошадиные,
Говорил коню да й таковы слова:
«Ты мой сивушко да й ты мой бурушко,
Ты мой маленький да й ты косматенький!
А ты выручь-ка меня с беды великоей:
Мне-ка биться с Чурилой во велик заклад,
А в велик заклад ещё й не в малыи, -
Нам разъехаться на конях богатырских
Да й скочить через славную й Пучай-реку».
Его добрый конь да и богатырский
Взлепетал языком человеческим:
«Молодой боярин Дюк Степанович!
А ведь конь казака Ильи Муромца –
Тот ведь конь да мне-ка старший брат,
А Чурилин конь да мне-ка меньший брат.
Какова пора, какое ль времечко,
Не поддамся я ведь брату большому,
А не то поддамся брату меньшему».

Молодой боярин Дюк Степанович
Скоро й шел в палату белокаменну,
Проходил он во горницу столовую,
Он тут бился со Чурилушкой в велик заклад,
А в велик заклад, да и не в малыи, -
Что й разъехаться на конях богатырских,
Да й скочить через славную Пучай-реку.
Тут удалые дородны добры молодцы
Выходили молодцы тут на широкий двор,
А садились да на коней богатырских,
Да й поехали ко славной Пучай-реки;
А за нима едут могучие богатыри -
Посмотреть на замашки богатырские.
Тут удалые дородны добры молодцы
Припустили своих коней богатырских
Да й скочили через славную й Пучай-реку.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он скочил через славную Пучай-реку,
Молодой Чурилушка-то Плёнкович
Посреди реки с конем обрушился.
Молодой боярин Дюк Степанович
Посмотрел, что нет его й товарища,
Поскореньку молодец тут поворот держал,
Да й скочил через славную Пучай-реку,

Да й схватил Чурилу за златы кудри;
Он тут вытащил Чурилу на крут на берег,

Говорил Чурилы таковы слова:
«Ай же ты, Чурилушка да й Плёнкович!
А не надо тебе биться во велик заклад,
Во велик заклад, да и не в малыи,
А ходил бы ты по Киеву за...».

Тут удалые дородны добры молодцы
Приезжали ко князю й ко Владимиру,
Говорит тут Чурилушка-то Плёнкович:
«Ты Владимир-князь да стольнекиевский!

А пошли-ка ты еще й оценщиков
А в тую ль Индеюшку богатую
А описывать Дюково имение,
А имение его да все богатство».

Говорит боярин Дюк Степанович:
«Ты Владимир-князь да стольнекиевский!

А пошли ты могучиих богатырей
А описывать имение й богатство
И мою бессчетну й золоту казну;
Не посылай-ка богатыря Олешеньки,

А того ль Олеши Поповича:
Он роду есть ведь-то поповского,
А поповского роду он задорного;

Он увидит бессчетну золоту казну,
Так ведь там ему да й голова сложить».
Тут Владимир-князь стольнекиевский
Снаряжал туда ещё й оценщиков,
Да й двенадцать могучиих богатырей.
Тут удалые дородны добры молодцы
Да й садились на коней богатырских
Да й поехали в Индеюшку богатую.
Они едут раздольцем чистым полем,
Они въехали на гору на высокую,
Посмотрели на Индеюшку богатую.
Говорит старый казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, боярин Дюк Степанович!
Прозакладал свою буйную й головушку,
А горит твоя Индеюшка й богатая».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Не горит моя Индеюшка богатая,
А в моей Индеюшке богатой
А ведь крыши все дома да й золоченые».
Тут удалые й дородны добры молодцы
Приезжали в Индеюшку богатую,
Заезжали к Дюку й на широкий двор,
Становили добрых коней богатырских,

Выходили на матушку сыру землю.

У того ль у Дюка у Степанова

А на том на славном широком дворе

А ведь постланы все сукна гармазинные.

Тут удалые дородны добры молодцы

А пошли они в палаты белокаменны,

Проходили во горенку столовую;

Они крест кладут да й по-писаному,

А поклон ведут да й по-ученому,

На две, три, четыре сторонки поклоняются,

Говорят молодцы да й таковы слова:

«Здравствуй, свет честна вдова Настасья да й Васильевна,

Дюковая еще й матушка!»

Говорит она им таковы слова:

«А не Дюкова я есть ведь матушка,

А я Дюкова есть полемойница».

Проходили тут дородны добры молодцы

А во другую во горенку столовую,

Низко бьют челом да поклоняются:

«Здравствуй, свет честна вдова Настасья ты Васильевна,

Дюковая еще й матушка!»

Говорит она им таковы слова:

«Я не Дюковая еще й матушка,

А Дюкова да й судомойница».

Тут удалые дородны добры молодцы
Проходили молодцы да й в третью горенку,

Они бьют челом да й поклоняются:

«Здравствуй, свет честна вдова Настасья ты Васильевна,
Еще й Дюковая ты ведь матушка!»

Говорит боярин Дюк Степанович:

«Здравствуй, свет честна вдова Настасья ты Васильевна,
Этая моя да родна й матушка!

Вот приехали могучие богатыри

Из того ль из города из Киева,

А от ласкового князя от Владимира,

А описывать наше имение й богатство,

А бессчетну нашу й золоту казну.

А бери-ка ты да золоты ключи,

Ты сходи на погребы глубокие,

Отопри-ка погребы глубокие,

Покажи дородным добрым молодцам

А наше имение й богатство,

А ведь нашу бессчетну золоту казну».

Тут брала она да й золоты ключи,

Отмыкала она погребы глубокие.

Тут удалые дородны добры молодцы

А смотрели имение й богатство

Да и всю бессчетну золоту казну.

Говорит Дунаюшка Иванович:

«Ай же мои братьицы крестовые,

Вы богатыри да святорусские!

Вы пишемте-ка й письма скорописчаты

А тому ли князю да Владимиру -

Пусть ведь Киев-град продаст да й на бумагу-то,

А Чернигов-град продаст да й на чернила-то,

А пускай тогда описывает Дюково имение».

Тут удалые дородны добры молодцы

Проходили й в горенку й столовую,

Да й садились за столички дубовые,

Да й за тыя скамеечки окольные;

Они ели ествушки сахарные,

Они пили питьица медвяные:

А ведь чарочку повыпьешь – и по другой-то душа горит,

А ведь другу й выпьешь – третьей хочется.

Тут удалые дородны добры й молодцы

Наедались да й они досыти,

Напивались да й они допьяна.

Да й тым былиночка й покончилась.